

Валерий Киселёв

*И как мы
только
победили...*

Великая Отечественная в статьях
журналиста



Валерий Павлович Киселев
И как мы только победили...
Великая Отечественная
в статьях журналиста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40942539

ISBN 9785449632319

Аннотация

Великая Отечественная в откровенных рассказах ветеранов-фронтовиков, детей, чудом выживших в гитлеровских лагерях смерти... Прошли десятилетия после Победы, но память о войне живет и должна жить вечно.

Содержание

И КАК МЫ ТОЛЬКО ПОБЕДИЛИ...	5
ОДНА НЕПРАВДА НАМ В УБЫТОК	13
БРЕСТ, 4 ЧАСА 5 МИНУТ, 22 ИЮНЯ	22
К немцам ездил за углем	22
Пушку покрасил для выставки	23
«Скоро вам «капут!»	25
«Кончилось мирное время...»	26
«ЭТО БЫЛ АД...»	27
Стреляли наверняка	29
Отбитых атак не считали	31
Шёл на восток...	33
Войну закончил в Берлине	35
ХВАТИЛО БЫ НА МНОГИХ, А ВЫПАЛО	37
ОДНОМУ	
Воевал, не зная о войне	38
Уничтожить любой ценой	40
Ничего не оставлять врагу	42
Смерть и рана неизбежны	43
А полетать не удалось	44
СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

**И как мы только
победили...**

**Великая Отечественная
в статьях журналиста**

Валерий Киселёв

© Валерий Киселёв, 2019

ISBN 978-5-4496-3231-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И КАК МЫ ТОЛЬКО ПОБЕДИЛИ...

Никогда не забуду, с какой интонацией и тяжким вздохом произнес эти слова полковник в отставке А. Шапошников

С этим человеком я был знаком несколько лет. Войну он знал и понимал, может быть, как немногие. В боях с первых дней, три окружения в 41-м, три раза он, тогда капитан, начальник штаба полка, заменял на долгое время командира, трижды его обещали расстрелять, если не выполнит задачу. Столько пережил этот человек, что даже не верится: да возможно ли это на одну судьбу? Во многом благодаря этому человеку у меня сформировалось и свое представление о войне.

Великая Отечественная была такой войной, что спорить и писать о ней будут еще долго. И не один раз еще перепишут ее историю. Не бросаться бы только в крайности. Русский писатель В. Астафьев в своем последнем интервью «Комсомольской правде» сказал: «О той войне, по существу, правды еще не писали». А как же тогда горы книг, мемуаров, художественных произведений? Неужели нигде там нет правды о войне?

«Залили кровью, завалили немцев трупами», – говорит В.

Астафьев. Любой фронтовик-окопник может привести массу примеров, когда наши потери были неизмеримо выше, чем у гитлеровцев.

«Приехал на командный пункт нашего полка командир дивизии, смотрит в бинокль и говорит: «Почему у вас люди лежат, почему не атакуют?» «А они и не встанут, товарищ полковник, они убитые, – вспоминаю рассказ А. Шапошникова. – Один раз на нашем участке ввели в бой бригаду тихоокеанских моряков, несколько тысяч. В атаку пошли красиво, в рост, но у немцев же все было пристреляно. После боя остатки бригады уместились в двух грузовиках...»

Вспоминаю рассказ другого ветерана войны: «Немцы нам кричат с передовой: «Комкин (это наш комбат), не гони людей в атаку, нам надоело вас бить». Это уже осенью 43-го в Белоруссии.

Еще лет 20 назад задумал я пройти по местам боев полка А. Шапошникова. Под Чаусами, в Белоруссии, на месте первого боя, на лугу перед селом, – множество холмиков. Старушка рассказала потом, что наших убитых солдат здесь лежало, «как снопов», так их и закапывали, кто где был убит. После войны перенести всех в братскую могилу так и не собрались. В лесу на берегу Сожа знаю место, где в полном составе погиб батальон. Черепа и кости спустя 20 и 30 лет можно было легко найти прямо на брустверах. А рядом – оживленное шоссе Москва – Варшава. Мне рассказывали, как на это место приезжали какие-то художники из Москвы,

собирали черепа для своих мастерских. А дети и матери погибших, в основном это были наши земляки, ничего об этом не знают.

Ветераны собирают уже несколько лет деньги на памятник, а их же товарищи пять десятилетий лежат непогребенными... Неужели еще один памятник важнее, чем предание погибших земле? Больше всего в то лето, когда прошел более 700 километров от Орши до Мценска, меня поражало обилие безымянных могил, причем где попало, без памятников. Трудно возражать В. Астафьеву, что он сгущает краски. Из 14 тысяч бойцов 137-й стрелковой дивизии, в которой воевал А. Шапошников, через четыре месяца боев осталось всего 800 человек. Да сколько раз за лето 41-го получали пополнение. Людей не жалели. «Батальон потеряешь – простят, – говорил А. Шапошников, – а вот лошадь пала – затаскают». Командиру в лучшем случае скажут: «Воюете вы хорошо, но вот потери у вас большие».

Есть о войне такая правда, что иногда думаешь: лучше бы этого и не знать. Но куда же деваться от правды?

«Полк только вышел из окружения, человек пятьсот осталось, приехал генерал из штаба фронта, поставил задачу – взять город, до которого еще 50 километров, и была там целая дивизия немцев. И пообещал расстрелять, если не выполнишь приказ...»

«Наш генерал утром махнет стакан водки, потом выслушает доклады штаба, доложит командиру корпуса и опять

стакан, да в обед, потом в ужин, так за день и набиралось по литру». «У нас адъютант командира дивизии сделал ему замечание, что на него слишком много водки уходит, так тот его за эти слова отправил в пехоту. Через три дня парня убило...»

Иные горе-командиры своих солдат по пьянке и от бездарности погубили больше, чем противника. Но и солдат тоже идеализировать не стоит.

«Выходим из окружения в Белоруссии, навстречу колонна наших, мобилизованных. Немцы их в плен взяли и отправили в тыл, без охраны. Мы их было с собой, на восток, раз освободили, а они все равно ночью на запад ушли...»

«Гонят по шоссе колонну наших пленных – конца не видно, я лежу в кустах у дороги, и охраны – только впереди два автоматчика. Ну почему же, – думаю, – никто не бежит!»

«У нас из полка, когда в окружение под Брянском попали, почти все украинцы домой подались...»

Зачем знать такую правду о «дружбе народов»?

Давно мне не дает покоя история гибели одного нашего батальона на Соже в Могилевской области (того самого, чьи черепа можно собирать до сих пор). Батальон погиб в считанные минуты. Долго считали, что все погибшие были героями, и только много лет спустя, когда удалось разыскать единственного оставшегося в живых, выяснилась правда: гитлеровцы расстреляли всех, когда солдаты подняли руки, вместо того, чтобы отбиваться.

Мало ли было случаев в 41-м, когда рота немецких автоматчиков разгоняла наш батальон, полки бежали от десятка-другого танков, и нельзя винить в этом одних генералов.

А тем, кто не сдался в плен и не погиб, приходилось драться и за них, на пределе человеческих сил, когда от отчаяния на белый свет смотреть не хотелось.

И ломались тогда даже герои. Знаю историю одного артиллериста, подбившего 9 немецких танков и представленного за это к званию Героя Советского Союза. Впрочем, он об этом не знал, потому что в одном из боев не выдержал ада и сбежал, до конца войны отсиживался дома в погребе. А в полку всю войну на его подвигах воспитывали молодых солдат...»

До какого же предела может дойти человек?

«Расстреливали как-то одного солдатику, не помню уж и за что, так он говорит трибуналу: «Да что вы меня смертью пугаете, когда мне жить страшнее».

На реке Красивая Меча в Тульской области в ноябре 41-го всего лишь 150 человек полка А. Шапошникова целую неделю отбивались от полнокровного немецкого, усиленного танками. И выстояли. Я специально, после того как изучил документы и опросил оставшихся в живых, ездил на места тех боев. Чистое поле, до сих пор кое-где окопчики. По всем военным понятиям невозможно было здесь устоять. Так я и не понял, как же тогда остатки измученного до предела полка дальше гитлеровцев не пустили.

Можно привести массу примеров, когда небольшая группа, и даже один человек, на войне делала то, что не под силу целой роте, а то и батальону. Хотя как часто бывало, что героизм одного был вынужденным результатом или следствием чьей-то безалаберности, глупости, а то и подлости. У гитлеровцев геройства было меньше, может быть, потому, что больше порядка. Да и довели они наших солдат своими зверствами над мирным населением до того, что те в бою не щадили себя. Столько мне порассказывали солдаты, что можно только удивляться, как это они вообще кого-то в плен брали. А часто и не брали. Кровь за кровь.

«Сдалось нам как-то человек с полсотни немцев, одни мальчишки-фольксштурмовцы. Вести в плен, так нас всего пятеро, да и тогда задачу не выполним. Завели в овраг и – по паре гранат...»

«Когда мы вошли в Германию, все удивлялись, как хорошо живут немцы. Не понимали: зачем же они на нас напали, у нас же нищета по сравнению с ними. Потом, когда они перестали нас бояться, стали обзывать свиньями и говорили: «Вот вы нас сейчас грабите, но пройдет время и все равно мы будем жить лучше, чем вы».

Так оно и оказалось.

А вот драма жизни одного знакомого артиллериста: в 41-м в окружении попал в плен, остался жив, но «за измену Родине» угодил в ГУЛАГ и отсидел 8 лет. За 8 подбитых танков. Наград – никаких. А недавно пишет мне, что дочь его

забрала внуков и уехала насовсем в Германию. Какой же он победитель?

А сколько я знаю старых солдат, которые завидуют своим погибшим друзьям: не могут они никак принять жизнь после победы, которая обернулась так незаметно поражением. Да и какая же это победа, если в освобожденных ими землях и странах сносят памятники нашим полководцам, оскверняют могилы, торжествуют те, кто был тогда недобит. В бой шли под красными знаменами, а сейчас на праздниках – под напоминающими власовские. Сейчас уже не съездишь за просто к другу в Ригу или во Львов, а если и собрался, то помни совет: «У нас с наградами по улицам лучше не ходить».

И это все – тоже отголоски войны. Может быть, надо было тогда, в 45-м, меньше жалеть, а может быть, и наоборот – уйти домой сразу, как победили. Тогда, наверное, и не чувствовали бы побежденными себя сейчас.

«Никто не забыт и ничто не забыто», «О войне – только правду» – какие правильные, но затертые призывы. Правда о прошлом бывает не нужна времени нынешнему. И будет ли она нужна будущим поколениям, захочется ли им знать ее? Потому что все, что бы ни писали о войне ее участники, – правда. И про кровь, и про смерть, дурость генералов, трусость солдат, героизм одиночек и целого народа. Только у каждого она своя, эта правда. У генерала, больше представляющего ее по карте с красными стрелочками,

и солдата, месяцами не вылезавшего из окопа. Это только Победа у нас – «одна на всех».

«И как мы только победили...» Победили, потому что не только сами кровью умывались, но научились драться, и так, что даже противник спустя годы отдает должное не только смелости русских солдат и полководцев, но и их уму, который оказался все же выше, чем у врага. Да и нельзя было не победить в той войне, иначе – конец России.

ОДНА НЕПРАВДА НАМ В УБЫТОК

Какой была война на самом деле? Такой, как пишут в книгах и показывают в кино, или совсем другая? Много ли вообще мы знаем правды о войне? Эти вопросы задают себе люди многих поколений, и не только историки. Казалось бы, о Великой Отечественной написаны десятки тысяч книг и статей, сняты сотни кинофильмов, можно ли говорить, что мы еще мало о ней знаем? Но почему же тогда ученые то и дало переписывают историю войны, трактуя ее события порой прямо противоположно?

Солдаты и офицеры, прошедшие войну, не могут не знать о ней правды. Да, это так, но сколько правды они знают? Фронтовики рассказывают мне, что об обстановке они очень часто могли судить по своему участку, в масштабах роты, в лучшем случае полка. Газеты, особенно в начале войны, если и попадали, то нередко недельной давности. Да и много ли было правды в тогдашних газетах? Вся информация в них попадала через сито цензуры и Совинформбюро. Наш земляк доктор исторических наук профессор Н. Добротвор писал в своем дневнике: «Меня сводки очень волнуют своей неопределенностью, недоговоренностью... Раз-

дражают наши сводки... Я хочу знать, каково положение, и почти ничего не знаю... Наши сводки поселяют недоверие, и это хуже всего... Мне боязно, что от нас скрывают то, что мы должны знать... Главная беда, что народ не знает, каково истинное положение на фронте. Живем совершенно впотьмах...» («Забвению не подлежит». Т.З.).

Это пишет профессиональный историк, что же тогда могли знать о положении на фронте в 41-м простые люди в тылу, подчас слабо представляющие себе географию. Тем более что и сами сводки Совинформбюро в 41-м были крайне скупы, по ним невозможно было представить истинное положение на фронтах, масштабы постигшей страну катастрофы. И многие упрекают власти и Сталина, прежде всего, что он скрывал от народа правду. Отсюда и слухи в тылу, порой самые невероятные, что, например, Горьковской области союзники объявили войну.

Да, правда о положении дел на фронте и в стране строго дозировалась. Был и предлог, который можно понять: в интересах сохранения военной тайны. Нет, радио работало, центральные газеты выходили, главная тема их была – война, с подробными рассказами о подвигах. Но газеты писали только о том, что можно было писать. Да никому бы тогда и в голову не пришло писать, как и почему в плен попадают сотни тысяч советских солдат, почему один за другим сдают города. Об этом стали писать позже, после Победы. Да и то далеко не всю правду.

Несколько этапов насчитывает только создание истории войны. При Сталине, да и при других вождях КПСС, могла быть в основном официальная история войны, при нем сложились оценки смысла, характера и значения войны. Одновременно, хотя часто и под диктовку политиков, работали и историки, писатели. Но была и есть народная память о войне. В начале 60-х годов вышла 6-томная история Великой Отечественной войны, над которой трудились 1200 историков. Это был для своего времени настоящий прорыв. К 30-летию Победы историография войны насчитывала уже 16 тысяч книг, что позволило значительно расширить познания о ней, были даны и ответы на многие острые вопросы. Но уже в 70-е годы появился тезис о выгодной и невыгодной правде войны. Показательна в этом отношении история издания мемуаров маршала Г. Жукова, над которыми основательно потрудились редакторы из ЦК КПСС. Шеститомник истории войны носил отпечаток своего времени, и в 70-е годы историки создали 12-томный труд о второй мировой войне. Это тоже было значительной вехой в осмыслении войны, но и здесь была далеко не вся правда о ней. С 1987 года началась работа над новым, 10-томным изданием, но вскоре она заглохла. Очевидно, в новых условиях историки не стали писать о войне то, что нужно было политикам. С этого же времени о войне стали писать все, кому не лень. Начали меняться и принципиальные оценки войны. Е. Евтушенко представил ее как «столкновение двух мусорных вет-

ров», у В. Гроссмана мы читаем, что «наше дело было неправое», долго нас пытались уговорить признать предателя Власова национальным героем. Автор нашумевших книг «Ледокол» и «День М» В. Суворов фактически на одну доску поставил Гитлера и Сталина, изобразил СССР потенциальным агрессором с такими же целями, как и фашистская Германия.

Вообще, фигура Сталина особенно привлекает внимание историков, писателей и публицистов К. Симонов как-то написал, что мы вы играли войну не благодаря Сталину, а несмотря на Сталина. Но есть ли в этом утверждении полная правда? Если бы на месте Сталина оказался другой вождь, такой, например, как Хрущев, то, возможно, и война пошла бы совсем по-иному, и неизвестно еще, чем бы она кончилась. А если бы на месте Сталина был Жуков? Впрочем, история не любит сослагательных наклонений.

Академик РАН А. Сахаров в своем докладе на научно-практической конференции «Горьковская область в Великой Отечественной войне. Взгляд через 50 лет» заявил, что основным просчетом Сталина было то, что он не нанес Германии упреждающий удар. Это спасло бы миллионы жизней и раньше привело бы к результатам 1945 года. В. Суворов писал о том, что Сталин-де готовился напасть на Германию 6-го июля 41-го. Но, если внимательно изучить состояние Красной Армии, то выясняется, что она в то время была просто не готова к наступательным операциям такого мас-

штаба.

Всегда особой проблемой, и не только у историков, было объяснение причин поражений Красной Армии в 41-м году. Сталин объяснял это просто: внезапностью нападения. Другие – общей неготовностью страны к войне. Найти в этом вопросе золотую середину очень трудно. Ветеран войны Б. Матвейчев на конференции объяснял поражения 41 -го года потерей управления, отсутствием боевого опыта, тем, что обучение войск не соответствовало современным требованиям, и при этом сослался на свой опыт участия в боях в составе батальона связи 20-го стрелкового корпуса. Но даже на опыте действий этого корпуса, сформированного, кстати, в Горьковской области, можно привести массу примеров, когда командиры действовали умело и грамотно, а солдаты показывали чудеса храбрости и боевой выучки. У каждого, особенно участника войны, своя правда о ней. После выхода в свет книги В. Астафьева «Прокляты и убиты» автор получил много упреков, в том числе и от ветеранов, что он слишком сгущает краски правды о войне. Да, во многом художественная правда В. Астафьева не совпадает с исторической, но надо ли упрекать солдата в том, что войну он увидел не так, как командующий фронтом?

А как часто бывает, что события и вроде бы факты войны оказываются всего лишь красивыми легендами... Во 2-й том истории Великой Отечественной войны попал эпизод героических действий командира орудия сержанта Н. Сиротини-

на: он один под Кричевом остановил колонну гитлеровских танков, уничтожив их более десятка Гитлеровцы похоронили его с воинскими почестями. И только много лет спустя выяснилось, что в том бою принимали участие и другие наши солдаты, и не все эти танки подбил один Н. Сиротинин. Несколько лет назад один из ветеранов войны написал статью под громким названием «Как мы изматывали фашистского зверя» – о героической гибели второго батальона 771-го полка на Варшавском шоссе в июле 41-го. Написал как очевидец и участник этого боя. Эта статья тоже чуть было не вошла в анналы истории, если бы не помощь других ветеранов. Выяснилось, что героического в гибели этого батальона нет, более того, часть его солдат сдалась гитлеровцам в плен, да и автор статьи не мог быть очевидцем этого боя.

Очень часто, к сожалению, история войны оказывается такой, что, кажется, лучше ее и не знать: с грязью человеческих отношений глупостью, подлостью, трусостью. Нет ни одной красивой войны, не должна быть в этом отношении исключением и Великая Отечественная. Целые поколения у нас воспитаны на подвигах героев, а трусы и бездарные военачальники из истории выпали. Но может ли считаться полным такое восприятие войны? Частичная правда это тоже не правда. На научно-практической конференции по теме морально-политического единства советского народа был посвящен целый доклад кандидата исторических наук П. Розанова. Главный его вывод: морально-политическое

единство – это не пропагандистский штамп, а реальность. Но как же совместить это с многочисленными негативными фактами, опубликованными в 3-м томе сборника «Забвению не подлежит»? Например, что за годы войны дезертировали и уклонялись от службы в армии 12 тысяч наших земляков, или такие строчки из дневника историка Н. Добротвора: «Идут разговоры о бесчисленных фактах грабежа, фактах бандитизма на улицах Горького... Вакханалия спекуляции и блата. Жутко честному человеку. Война рождает героев и поднимает накипь человеческих отбросов наверх... А всякая сволочь роскошествует, да еще и пьянствует... Люди стали злее собак...»

В годы войны преступность в нашем городе достигла небывалого размаха, даже по нынешним меркам. Или такие строчки из справки управления НКВД по Горьковской области: «Сильно развита в городе сеть воровских притонов и так называемых притонов разврата... Характерным является тот факт что много таких притонов выявлено у женщин, мужья которых находятся на фронте» Как быть с этой правдой? Забыть или считать исключением? С началом войны на колхозных рынках города резко взлетели цены – как это вписывается в морально-политическое единство? А упали цены, например случай в Лыскове, только после того, как туда прибыли раненные и рассказали о зверствах немцев.

Профессор М. Бичуч на конференции прочитал доклад о национальной политике в годы войны, основной упор сде-

лав на «густопсовый расизм гитлеровцев» и «интернационализм русских и спайку народов». Все это было, но как же быть с фактами, что в составе вермахта добровольно воевали представители едва ли не всех народов Европы, да и из советских народов у Гитлера не было формирований разве что из чукчей. «Спайка народов», а были выселены со своих родных мест крымские татары, ингуши и чеченцы, против Красной Армии воевали украинцы и эстонцы. Считать это, несмотря ни на что, частностями, ложкой дегтя в бочке меда?

Мы гордимся Победой, славим ветеранов, но разве далеки от истины утверждения профессора Р. Давыдовой, что к 50-летию Победы наша страна утратила почти все ее завоеванные кровью миллионов солдат итоги: Россия оказалась отброшенной от границ Европы, мы потеряли Прибалтику и черноморские базы, на месте дружественных нам государств сейчас огромная зона нестабильности, где нет ни одной страны без взаимных территориальных претензий. Россия фактически ушла из Восточной Европы, а Германия туда пришла, и никто не может дать гарантии, что это всегда будет дружественная Германия. Восточная Европа сейчас отвернулась от нас, старается забыть, что ее народы обязаны своим существованием советскому солдату. И неприязнь все чаще переходит в ненависть. Не будет большим преувеличением и утверждение, что все благоприятные политические итоги Победы для нашего народа сведены за последние годы

почти к нулю, если смотреть на историю с геополитической точки зрения.

Слишком сложная и тяжелая история войны, чтобы судить о ее ходе и итогах без изучения всех фактов, позиций и точек зрения, всей правды. «Одна неправда нам в убыток», – писал А. Твардовский, поэтому День Победы всегда должен проходить слезами на глазах» – и не только от счастья Победы, но и от горечи за колоссальные жертвы. О такой войне нельзя говорить с патетикой, как бы действительно ни был велик подвиг нашего народа.

БРЕСТ, 4 ЧАСА 5 МИНУТ, 22 ИЮНЯ

К немцам ездил за углем

Десятого октября 1940 года в Брест прибыл эшелон с призывниками. Все они были из Горьковской области и попали в 447-й корпусной артиллерийский полк, который стоял в одном километре от границы, сразу за Брестской крепостью. Среди прибывших был и Михаил Воробьев. Новобранцы с интересом смотрели на Запад, где за Бугом стояли немецкие войска. Никто из прибывших тогда и подумать не мог, что большинство из них вскоре погибнут в солдатских койках от разрывов, так и не узнав, что началась война.

Михаил Воробьев был назначен помощником тракториста. Ездил к немцам за углем.

– На одной стороне моста через Буг наши пограничники, на другой – немецкие, – вспоминает Михаил Васильевич, – Уголь немцы нам давали по договору, сами и грузили его в тележку. В это время немцев мы не опасались.

Пушку покрасил для выставки

Артиллеристы слушали лекции о международном положении и задавали лектору вопросы:

- С какой целью немцы высадили в Финляндии механизированный корпус?
- Чтобы иметь плацдарм для нападения на СССР.
- Зачем Германия подводит свои войска к нашим границам?
- Чтобы напасть на нашу страну.
- А почему наш полк с такой тяжелой техникой расквартировался на самой границе?
- А мы не собираемся воевать на своей территории, – ответил лектор.

Из 36 орудий полка, стоявших все вместе на территории военного городка, 12 были направлены стволами на запад, 12 – на восток, остальные на север и на юг.

Лектор рассказал артиллеристам, что Германия сосредоточила против СССР 139 дивизий. Но есть Договор о ненападении.

В пятницу 20 июня Михаил Воробьев, назначенный к тому времени артмастером, покрасил 122-миллиметровую пушку. Как раз в это время над ним пролетел немецкий самолет. Такое случалось и раньше, поэтому особого интереса самолет не вызвал. А пушку должны были показывать на вы-

ставке для высшего командного состава Красной Армии.

Из Брестской крепости ушла на восток в летние лагеря пехота.

21 июня весь 447-й артполк был построен на плацу для вручения значков «Отличник РККА». Личному составу объявили, что завтра полк уходит на летние учения.

«Скоро вам «капут!»»

Артиллеристы, как обычно, вечером 21 июня готовились к увольнению в город. Подшивали подворотнички, наглаживали обмундирование, драили бархоткой сапоги.

Михаил Воробьев накануне сходил в Брест сфотографировался. От местных жителей в городе, и без того настроенных не очень дружелюбно, то и дело слышал: «Скоро вам «капут!» Этим словам особого значения не придавали. Хотя перебежчики из-за Буга рассказывали, что немцы готовы к наступлению.

Ровно в 23 часа дневальные в полку, как обычно, объявили отбой и бойцы быстро заснули богатырским сном. Многие – навсегда.

«Кончилось мирное время...»

Михаил Воробьев проснулся от близких разрывов и посмотрел на часы – 4:05. В артиллерийском парке Северного городка, где тесно стояли орудия, трактора, прицепы с боеприпасами, густо рвались тяжелые снаряды.

– Мы быстро оделись, получили у старшины личное оружие из пирамиды и перебежками по плацу, на который летели осколки снарядов, побежали к зданию полкового клуба, – вспоминает первые минуты войны Михаил Воробьев, – Командир полка полковник Александр Маврин стоял у штаба полка, вскоре подбежал начальник штаба капитан Андреев. Мы получили команду вытаскивать матчасть из артпарка. В это время из дома выбежал командир третьего дивизиона капитан Логинов и был сражен осколком снаряда. Перебежками мы пробрались в артпарк и стали под огнем выводить орудия и трактора с прицепами. Здесь осколком снаряда разорвало полость живота моему земляку Елину, он был из Сормова с улицы Культуры. Раненых и убитых было много.

Часа через два немцы прекратили обстрел территории полка. Появились вражеские самолеты, сбросили листовки.

– Ни нашей авиации, ни зениток, которые бы вели огонь по немецким самолетам, я не видел, – помнит М. Воробьев.

«ЭТО БЫЛ АД...»

В Нижнем Новгороде остался единственный защитник Брестской крепости – Погос Семенович Степанян

Закат над Бугом

Политрук роты 125-го полка 6-й стрелковой дивизии Погос СТЕПАНЯН:

– В субботу двадцать первого июня был выходной. Из командования полка никого в крепости не было, все отдыхали с семьями в Бресте. У меня, как политрука, занятий в роте не было. Вечером вместе с бойцами в клубе посмотрел кинофильм «Чапаев», можно было идти на квартиру, которую снимал в Бресте, это два километра пешком, но что-то не хотелось, и я решил заночевать в роте. Полюбовался закатом над Бугом, сказал дневальному, чтобы разбудил в 5:45, и – отбой...

Гейнц ГУДЕРИАН, генерал-полковник, командующий 2-й танковой группой вермахта, «Воспоминания солдата»:

«В роковой день 22 июня в 2 часа 10 минут я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богукалы (15 километров северо-западнее Бреста). В 3:15 началась наша артподготовка. В 3:40 – первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4:15 началась переправа через Буг частей 17-й и 18-й танковых дивизий.

В 4:45 первые танки 18-й танковой форсировали реку».

Стреляли наверняка

Погос Степанян прибыл служить в Брестскую крепость осенью 1940-го. На границе все это время было тихо. Никаких признаков готовящегося вторжения. По плану боевого развертывания 125-й стрелковый полк в случае войны должен был занять заранее подготовленные позиции в районе железнодорожного моста через Буг, совсем рядом с крепостью. Девятнадцатого июня, когда бойцы тренировались, быстро занимая эти позиции, политрук Степанян обратил внимание, как на другом берегу Буга к реке подъехала автомашина. Из нее вышли трое немцев, которые долго разглядывали крепость в бинокли. Между тем никаких указаний от командования по усилению бдительности в полку не получали. Хотя пятнадцатого июня в магазинах Бреста вдруг образовались огромные очереди. Люди скупали соль, сахар, мыло, спички. «Зачем?» – удивился тогда Степанян. «Скоро война!» – ответил ему кто-то из очереди.

Рано утром 22 июня политрука разбудил не дневальный, а страшный грохот разрывов. Потом историки подсчитали, что в Брестской крепости площадью четыре квадратных километра каждую минуту в течение получаса рвались четыре тысячи снарядов. После артиллерийского налета стали разгружаться бомбардировщики. Из почти восьми тысяч человек гарнизона в первые минуты войны погибло больше по-

ловины.

– То, что это война, я понял в первую же секунду, – вспоминает Погос Степанян. – Бойцы выбегали из казармы в одном нательном белье и попадали под разрывы снарядов. Это был настоящий ад... Когда обстрел крепости прекратился, я собрал оставшихся в живых. Нас было пятнадцать человек, из нашей роты – только четверо. Прихватил чью-то винтовку и четыре обоймы патронов. Только заняли оборону, перед крепостью показали цепи немцев. Их было так много, что промахнуться было невозможно. В склад боеприпасов попали снаряды, патронов у нас оставалось очень мало, и я приказал стрелять только наугад. Хорошо помню удивленные глаза падавшего немца, когда в него попала моя пуля...

Отбитых атак не считали

Франц ГАЛЬДЕР, генерал-полковник, начальник Генерального штаба вермахта, «Военный дневник», запись за 22 июня 1941 года:

«...Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование, что им делать... После первоначального „столбняка“, вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям...»

Погос СТЕПАНЯН:

– Наш полк располагался в Волынском укреплении, это юго-восточная часть Брестской крепости. Весь первый день войны моя группа не имела никакой связи с другими подразделениями. Бойцы сказали, что комиссар полка погиб от разрыва снаряда вместе со своей дочерью, где был командир полка – не знаю. Он прибыл в полк за неделю до войны, говорили, что немец или француз по национальности. Мы часто

слышали громкие крики «Ура!» из разных мест крепости – наши шли в контратаки, это поднимало настроение. Видел, как немцы бежали от небольших групп наших бойцов. Не знаю, сколько мы отбили атак, все смешалось. Но помню, что из моей группы в пятнадцать человек, на удивление, никто не был убит или ранен.

Шёл на восток...

На второй день войны, вспоминает Погос Степанян, артиллерийский обстрел стал меньше, но гитлеровцы продолжали наступать. Так прошло еще двое суток. Фронт катился на восток, но Брестская крепость сражалась.

Франц ГАЛЬДЕР, «Военный дневник», запись за 24 июня:
«...Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен. ...Русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам».

Погос СТЕПАНЯН:

– О том, что крепость в окружении, мы узнали в девять утра 22-го. Три дня наша группа отбивала атаки без какой-либо связи с другими частями, помощь в крепость не подходила, звуки боя и крики «Ура!» слышались все реже, и надо было принимать решение, как действовать дальше. Я решил прорываться на восток. Со мной пошли пятеро, другие остались в крепости. Ночью мы выползли из развалин через канал на кладбище перед крепостью, у дороги – голова немцев. Когда их часовые разошлись, мы побежали через дорогу. Вслед нам открыли огонь из автоматов. Двое упали. Ползком по картофельному полю кое-как добрался до Бре-

ста, пошел по его ночным улицам, слыша голоса пьяных немцев. Потом двинулся с пистолетом ТТ в направлении Кобрина, в какой-то деревне военную форму сменил на штатское, партбилет зашил в штаны.

Франц ГАЛЬДЕР, «Военный дневник», запись за 29 июня.

«Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей (перед фронтом 6-й и 9-й армий). Бросается в глаза, что при захвате артиллерийских батарей и тому подобного в плен сдаются лишь немногие. Часть русских сражаются, пока их не убьют, другие бегут, сбрасывая с себя форменное обмундирование, и пытаются выйти из окружения под видом крестьян».

Войну закончил в Берлине

Политрук Степанян, двигаясь по кромке Пинских болот, к своим вышел 19 июля, в Гомеле. Шестьсот километров пешком. Заградотряд показал ему сборный пункт окруженцев на стадионе.

– «Откуда драпаешь?» – спросил меня полковник НКВД, – рассказывает Погос Семенович. – «Я не драпал». – «А что, наступал?» – «Я отходил». – «И откуда отходил?» – «Из Брестской крепости». – «Быть не может! В Брестской крепости все погибли. Документов, конечно, нет?» Я показал ему партбилет и удостоверение политрука. «Молодец, политрук, – сказал полковник, – сколько проходит народу – ни одного с документами, все порвали».

Политрука Степаняна назначили комиссаром пулеметного батальона. Через три дня он был тяжело ранен. Госпиталь в Унече, потом в Сталинграде. Попал на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу, комиссаром стрелкового батальона. В 1944-м – новый поворот судьбы: после переобучения был назначен командиром роты в 1-ю гвардейскую танковую армию, боевые машины получал в Сормове. Последний бой капитан Степанян принял у стен рейхстага. Тогда, 22 июня 41-го, он и подумать не мог, что ему доведется остаться в живых и дойти до Берлина.

После войны он вернулся в Горький, потому что закан-

чивал здесь военно-политическое училище, здесь его ждала невеста.

В Брестскую крепость Погос Семенович после войны приезжал каждый год, стоял на ее развалинах, «слушая» грохот боя, голоса погибших товарищей, крики «Ура!». Однажды встретил своего боевого товарища Аслана Сурхайланова из Дагестана. Из той группы в пятнадцать человек, да и из всего 125-го полка, их осталось двое.

Когда писатель Сергей Смирнов начал работать над книгой о Брестской крепости, Погос Степанян написал ему два письма с воспоминаниями. Ответа не получил.

ХВАТИЛО БЫ НА МНОГИХ, А ВЫПАЛО ОДНОМУ

В мае 1941-го двадцатилетний Георгий Самойленко в числе сотен своих товарищей был досрочно выпущен из Одесского пограничного училища и направлен служить на румынскую границу в районе городка Комрат в должности заместителя политрука заставы. Страна жила мирной жизнью, а здесь, на границе, было, мягко говоря, беспокойно.

Воевал, не зная о войне

– Почти ежедневно румыны обстреливали наших солдат, укреплявших границу, – вспоминает Георгий Иванович. – Ставим проволочные заграждения, строим дзоты – они стреляют из пулеметов. Поэтому вскоре пришлось работать только по ночам. Если случалось, что кто-то из наших погибал при обстрелах, то на мосту через Прут встречались представители сторон, наши вручали ноту протеста. А чтобы нам открывать ответный огонь – боже упаси! Лучше сразу застрелиться.

Поэтому, когда в ночь на 22 июня на границе вспыхнула стрельба, ну разве что погуще, чем обычно, Георгий Самойленко не придавал этому событию особого значения.

В два часа ночи он пошел проверять, как охраняется граница.

– Около четырех часов утра я увидел вспышки выстрелов и слышал свист снарядов, – рассказал Георгий Самойленко. – Укрылся с нарядом в дзоте, пытался связаться с заставой – нет связи.

К тому времени в районе железнодорожного моста стрельба разгорелась нешуточная. Там уже шел бой.

Вернувшись на заставу, Самойленко увидел там погибших в первые секунды войны пограничников, санитаров, перевязывавших раненых. Погиб и начальник заставы старший

лейтенант Константинов.

Но все еще не верилось, что это война. Оказавшись старшим по званию на заставе, Георгий Самойленко отправил раненых и женщин в тыл. И только вечером 22 июня от прибывших на подмогу кавалеристов 9-й Крымской дивизии узнал, что началась война. Об обстановке на фронте ничего не знали несколько дней, слышали лишь, что наши моряки высадились в Румынии. Но все были уверены, что через месяц-два обнаглевший враг будет разбит.

Уничтожить любой ценой

Румыны уже захватили мост, имевший важное оперативное значение, и начали перебрасывать на восточный берег людей и технику. Надо было любой ценой уничтожить мост. Без помощи пограничников, знавших к нему подходы, сделать это было крайне сложно. Георгий Самойленко получил приказ подобрать группу из опытных бойцов и провести к мосту саперов.

Два дня ушло на подготовку. Кавалеристы и оставшиеся в живых пограничники с трудом сдерживали натиск противника. Вот если бы удалось взорвать мост, чтобы к врагу не шла подмога...

— Оставили в штабе документы, нагрузились взрывчаткой, сделали себе кули из камыша для маскировки и, босые, пошли к мосту, — вспоминает Георгий Иванович.

Их было семеро. Шли на верную смерть. Даже если бы каким-то чудом удалось подойти к мосту и взорвать его, как уйти потом живыми? Георгий Самойленко не скрывает: «Да, было страшно. Но надо идти».

Глухой ночью по реке спустились к мосту. По нему то и дело проезжали повозки, шла пехота. У края моста топтались у пулемета двое румын. Сапер из группы Самойленко разрезал металлическую сетку, установленную румынами на слу-

чай диверсии. Быстро заложили под опоры моста взрывчатку.

– Укрыл сапера плащом, и он зажег бикфордов шнур, – вспоминает те минуты Георгий Иванович. – Ну вот, казалось бы, можно уходить. Но было страшно: вдруг взрывчатка не сработает?

Прошли метров пятьсот по берегу – взрыв. Мост рухнул, а по берегу начали хлестать пулеметные очереди. Не задело. Вскоре через камыши вышли к своим. Встречавший группу пограничник молча пожал всем руки. В штабе полка пообещали представить к наградам. И, наверное, забыли на другой же день.

Ничего не оставлять врагу

Наши войска, после того как мост был взорван, выбили румын с плацдарма. Но радоваться было ничему: фронт в те июньские дни трещал по швам и катился на восток.

А в кавалерийскую дивизию, где теперь воевал Самойленко, прибыло пополнение из местных жителей – молдаван.

– Приехали на своих длиннохвостых черных лошадях. Все молодые, необученные, – вспоминает Георгий Иванович. – Стрелять никто не умеет, по-русски не понимают. Обуза, а не солдаты.

С такой подмогой обескровленная в первых боях дивизия не могла сдержать противника. Да и пополнение скоро разбежалось по домам.

Только третьего июля после знаменитой речи Сталина Георгий Самойленко, как, впрочем, и многие другие, по-настоящему осознал, что война будет тяжелой и долгой. «Ничего не оставлять врагу», – сказал Сталин. В тот же день Самойленко получил под свою команду двадцать красноармейцев и приказ: «Уничтожать все, что невозможно вывезти в тыл».

Изымали из магазинов в прифронтовой полосе золотые и серебряные изделия, жгли товары, подрывали станки и здания. Однажды сожгли целый мешок денег – надоело таскать его с собой. Война все спишет.

Смерть и рана неизбежны

А война шла своим чередом. Каждый день мог стать последним. Ходил с группой в разведку за «языком» – остался жив, выжил в страшном бою 13 июля, когда немцы шли в атаку и орали песни, стреляя из автоматов. Был случай, что Георгия Самойленко спас его конь, не бросивший хозяина.

Но рано или поздно пуля или осколок должны были найти бойца: редко кому в 41-м удавалось воевать больше месяца подряд.

В том бою 14 июля немецкая мина разорвалась почти рядом. Георгий Самойленко только увидел, что командиру эскадрона, лежавшему рядом, разmozжило голову, и потерял сознание.

– Очнулся в кузове автомашины, – вспоминает Георгий Иванович. – Рядом раненые, в небе немецкие самолеты кружат, все в дыму и пыли.

Потом был санитарный поезд на Одессу и корабль на Новороссийск. В море их бомбили.

– Помню, как страшно кричали раненые, когда бомба попала в корабль, – рассказал Георгий Самойленко. – Раненые в панике лезли на палубу, некоторые бросались в море.

Наконец госпиталь в Сталинграде, который летом 41-го был глубоким тылом.

А полетать не удалось

После госпиталя Георгий Самойленко, повоевавший пограничником и кавалеристом, чуть было не попал в авиацию. В документах писарь по ошибке написал, что он был заместителем командира эскадрильи.

– На каких типах самолетов летали? – спросил у Самойленко майор в штабе авиационного полка, куда он прибыл из госпиталя по назначению.

– Я не летчик. Был заместителем командира эскадрона, а не эскадрильи.

– Ничего, научим, было бы желание.

Но все же полетать Самойленко не удалось. Всю войну служил в стрелковой дивизии. Вскоре был назначен начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» стрелкового полка. Победу встретил в Чехословакии. Потом была еще одна война – на Дальнем Востоке.

Если бы тогда, утром 22 июня 41-го, Георгию Самойленко сказали, что через пять лет он окажется на другом конце земли – в Порт-Артуре – живым и здоровым, начальником разведки 203-й стрелковой дивизии, а позади будут тысячи километров дорог с боями, три ранения, контузия и десятки возможностей погибнуть, он, наверное, не поверил бы в такой «роман».

СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ

Первым о том, сколько людей потеряла наша страна в годы Великой Отечественной войны, сказал И. Сталин – 7 млн человек. В 1965 году Н. Хрущев назвал новую цифру – 20 млн. Долгие годы эта цифра никем не оспаривалась, хотя многие понимали, что абсолютно точной ее назвать нельзя. Несколько лет назад стали говорить о 27 млн погибших, последнее время в ряде публикаций появились цифры 44, 46 и даже 50 млн потерь.

Сколько же на самом деле потеряла наша страна своих граждан в годы войны? Споры об этом до сих пор не утихают среди историков и специалистов.

По страницам многих изданий, переключиваясь из одного в другое, гуляют утверждения, что Красная Армия в войне с Германией «завалила ее трупами и залила кровью своих солдат». Приводятся соотношения боевых потерь 10 к 1 и даже 14 к 1 в пользу Германии.

Почти полвека прошло с окончания войны, но до сих пор сказать точно, сколько же погибшими мы потеряли на войне, очень трудно, хотя различных исследований проведено было много, и не только в нашей стране. Оценка общего числа потерь воюющих стран является одним из важнейших критериев уровня военного искусства. Наконец, нам необходима

и правда о потерях без политической конъюнктуры.

Впервые цифры боевых потерь Красной Армии, о чем вообще можно было спорить, появились только на Западе в 1950 году от дезертировавшего полковника Калинова. Он сначала привел цифру в 13,6 млн, потом поднял ее до 14,7 млн. Потери Германии на Восточном фронте он оценивал в 3,2 млн. То есть соотношение потерь – 4,6 к 1 в пользу Германии. Интересно, что германские исследователи в то время соотношение потерь вывели как 4,5 к 1 в их пользу. Эти цифры потерь Красной Армии советские историки сочли завышенными.

Подсчет потерь нашей страны осложняется многими факторами. Начать хотя бы с того, что историки до сих пор приводят разные цифры, сколько же было у нас населения накануне войны, потому что перепись в то время не проводилась. Оценки самые разные: 191,7 и 194,1 млн в 1940 году, 197,1 и 200,1 млн к 22 июня 1941 года, и намного меньше – 189,8 млн. В 1945 году население СССР составило 168 млн человек, но это опять же оценка, а не по переписи. С учетом нереализованного естественного прироста в 10,38 млн демографические потери в войне составили 32 млн 163 тысячи. Но записывать неродившихся детей в боевые потери по меньшей мере нечестно, поэтому важно знать, сколько же точно потеряла в боях наша армия и сколько погибло мирных жителей. Иначе, если приплюсовывать к погибшим в боях солдатам мирных женщин, детей и стариков, уничто-

женных карателями, то соотношение боевых потерь будет не в пользу Красной Армии и действительно очень значительным.

Очень непросто было подсчитать, сколько же погибло во время войны мирных жителей. Гитлеровцы уничтожали их целыми деревнями, не считая, в концлагерях, в гетто. Немало людей судьба разметала по разным странам мира. Так, считается, что не вернулись в СССР после войны более 450 тысяч человек, оказавшихся в западной зоне. Для страны они потеряны и вошли в число потерь, но ведь люди остались живы.

В целом же большое количество погибших в войну в нашей стране объясняется не только ошибками Сталина и командования, но и высокой технической оснащенностью воюющих сторон, большой огневой и разрушительной силой оружия и прежде всего тем, что гитлеровцы проводили чудовищный по своим масштабам геноцид в отношении мирного населения.

Особенно большие боевые потери Красная Армия понесла летом и осенью 1941 года. В процентном отношении это составляет 27,8 от их общего количества за войну. На 1942 год приходится 28,9 проц., на 1943-й – 20,5, 1944-й – 15,6, на 1945-й – 7,1 проц. При этом следует учесть, что Красная Армия из 4 лет войны наступала 3 года и прошла на запад вдвое большее расстояние, чем германская на восток в 41— 42-м годах.

Тяжелые потери нашей армии 1941 года усугубились частыми лобовыми атаками без должной подготовки, неподготовленностью операций в целом, не хватало и опыта. Кроме того, были допущены крупные ошибки высшего командования, которые привели к тому, что в окружение попадали большие массы войск. Именно этим объясняется, что в 1941 году огромное количество советских солдат попало в плен. Кстати, и эта цифра до сих пор точно не определена. По данным генштаба вермахта, всего было взято в плен 5 млн 734 тыс. 580 советских солдат. Однако советские исследователи считают, что эта цифра завышена, поскольку гитлеровцы включали в число пленных и значительное количество людей из мирного населения. У разных исследователей приводится и различное количество советских солдат, попавших в плен. Так, Б. Соколов приводит цифру 6,2 млн. По данным же американского генерала Вуда, проводившего свои исследования, в плен попали в общей сложности 4 млн советских солдат. По данным же советских исследователей, пропало без вести в годы войны 4,5 млн солдат; при этом считается, что 500 тысяч из них не были в плену, а перешли к партизанам или растворились среди местного населения. Разные цифры и по погибшим в плену. По одним данным – 2 млн, по другим – 3,3. Вернулись из плена 1,8 млн советских солдат, с неустановленной судьбой считаются от 1,9 до 3,6 млн военнопленных. Большинство их, очевидно, погибли. Особенно много советских военноплен-

ных погибли в конце 41-го – начале 42-го: из 3,35 млн более 2 млн человек, по немецким данным. Ежедневно погибали в это время в плену в среднем 6 тысяч человек. Погибшие в плену отнесены, и это справедливо, к безвозвратным боевым потерям. Но ведь погибли эти солдаты не на поле боя, то есть зачитывать их в боевой успех германской армии будет несправедливо.

По немецким данным, только к 11 июля 1941 года в плен попали 360 тысяч советских солдат. В районе Белостока – Минска было взято в плен 323 тысячи человек, под Уманью – 102, в районе Смоленска – Рославля – 348 тысяч, под Киевом, по немецким данным опять же, 665 тысяч, в районе Вязьмы и Брянска – 662 тысячи. Это только наиболее крупные «котлы» 1941 года. Советские исследователи считают, что эти цифры значительно преувеличены. Так, под Киевом не могло столько человек попасть в плен, поскольку на фронте там было чуть более 450 тысяч бойцов, и многие из них погибли в боях или вырвались из окружения.

Учет попавших в плен не может быть точен и потому, что значительная часть солдат попадала в плен не один раз, после побегов, другие бежавшие попадали в партизаны или на фронт и могли быть дважды засчитаны, как попавшие в плен и погибшие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.